

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ
«ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ»
В ПЕРИОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО И СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

GENESIS OF THE CRIMINAL LEGAL CATEGORY
«PUBLIC DANGER»
DURING THE FORMATION OF THE SOVIET AND
CONTEMPORARY RUSSIAN STATE

Батютина Т.Ю.

*кандидат юридических наук
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-1083-790X>*

Batyutina T.Y.

*Candidate of Law
Lecturer of Criminal law and criminology department
Kuban State University*

Аннотация: Статья посвящена фундаментальной категории уголовного права – общественной опасности. Выявлена связь между законодательным подходом к пониманию общественной опасности и политическим курсом государства, а также главенствующей в определенный период времени школой права. Установлено, что общественная опасность при становлении советского государства была в большей степени законодательно регламентирована, чем в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. раскрывали содержание данной категории как применительно к деянию, так и личности совершившего преступление. Идеологически обусловленная цель – борьба с классовыми врагами – предопределила законодательное видение общественной опасности в большей степени именно применительно к личности преступника. В свою очередь, действующий уголовный закон ориентирован на общественно опасное деяние, однако не раскрывает качественную и количественную характеристики данной категории. Такая трактовка даётся Пленумом Верховного Суда РФ, однако анализ его обобщений судебной практики позволяет сделать вывод о чрезмерном гуманизме к преступникам.

Ключевые слова: общественная опасность деяния, общественная опасность преступника, социологическая школа уголовного права, революционное правосознание, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс Российской Федерации.

Annotation: The article is devoted to the fundamental category of criminal law – public danger. The connection between the legislative approach to understanding public danger and the political course of the state, as well as the school of law that dominates in a certain period of time, are revealed. It has been established that the public danger during the formation of the Soviet state was more regulated by law than in the Criminal Code of the Russian Federation 1996. The governing principles of the criminal law of the RSFSR of 1919 disclosed the content of this category both in relation to the act and the person who committed the crime. The ideologically determined goal – the struggle against class enemies – predetermined the legislative vision of social danger to a greater extent precisely in relation to the personality of the criminal. In turn, the current criminal law is focused on socially dangerous acts, but does not disclose the qualitative and quantitative characteristics of this category. Such an interpretation is given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, however, an analysis of its generalizations of judicial practice allows us to conclude that there is excessive humanism towards criminals.

Keywords: social danger of the act, public danger of the criminal, sociological school of criminal law, revolutionary legal consciousness, Governing principles of the criminal law of the RSFSR 1919, the Criminal Code of the RSFSR 1922, the Criminal Code of the Russian Federation.

История развития уголовного законодательства показывает, что подход к определению преступного и наказуемого меняется вслед за динамикой социальной жизни. Одни акты человеческого поведения признаются опасными для общества, другие, напротив, перестают быть таковыми. И, тем не менее, как уголовное законодательство в целом, отдельные его корректировки, так и практика применения должны находиться под незримым «присмотром» важнейшей категории уголовного права – общественной опасности. Поскольку она лежит в основе и межотраслевой дифференциации, можно утверждать, что то содержание, которое вкладывает в нее законодатель, пронизывает всю уголовно-правовую материю.

При том, что в уголовном законодательстве традиционно содержатся «постоянные» запреты (на убийство, изнасилование, кражу, грабеж, разбой и т.д.), даже их наказуемость сообразно месту в иерархии приоритетов уголовно-правовой охраны в истории России не отличалась стабильностью. Вышесказанное обуславливает потребность в обращении к трансформации – вслед за политическим курсом – категории «общественная опасность» в знаковые рубежи российской истории: советский социалистический и современный российский, и их сопоставительном анализе.

Как утверждает М.А. Чельцов-Бебутов, анализирующий динамику преступления и наказания с зарождения российской государственности до советского периода, «с самого момента своего возникновения государственная власть была властью одного определенного класса, властью богатых (землевладельцев и скотовладельцев), которые с помощью уголовных наказаний стремились охранить и упрочить свое экономическое и политическое господство»¹. С течением времени менялись условия жизни народа, однако, как известно российской истории, несколько столетий наказание за содеянное зависело от социального положения учинившего его лица. С развитием капиталистических отношений защищается целый ряд новых правовых благ, а

значит, увеличивается и число нарушителей закона.

В условиях необходимости борьбы с преступностью во второй половине XIX в. актуальными становились не столько классическая школа, успешно разработавшая базовый понятийно-категориальный аппарат уголовного права, сколько направления, в рамках которых постигались причины преступного поведения, преступление и преступность с социальной точки зрения. Как писал классик Н.С. Таганцев, «рядом с исследованиями биологической стороны – влияния пола, возраста, расы – появились работы о космических условиях преступности, о влиянии времен года, температуры, географических условий; о соотношении преступления с ценами на хлеб, с колебаниями предложения и спроса на рабочем рынке... но оставался нетронутым вопрос о той среде, которая составляет требуемый общественной жизнью контингент преступников»². Возникает антропологическая школа, многократно критикуемая, но все же повлиявшая на становление уголовного права. А вслед за ней набирают популярность «ветви» социологической школы, которая преступление воспринимает как явление общественного, а не естественного порядка: корни его лежат в условиях социальной жизни. Таким образом, главная идея, взятая за основу борьбы с преступностью накануне прихода советской власти – поиск причины преступности не в индивиде, а порочном эксплуататорском обществе, в котором «преступление – печальная привилегия лишь бедного класса»³. А поскольку проблема преступности стала рассматриваться неотделимо от вопроса об общественном строе, борьба с преступлениями стала возможной путем воздействия на их причины, а значит, необходимы были масштабные социальные преобразования. Ф. Лист считал, что каждое преступление есть продукт личности преступника и тех бесчисленных общественных факторов, повлиявших на него в момент совершения преступления. Так как последние, по его мнению, имеют большее значение, «криминалист должен ...стремиться к

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 11.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 ч. Часть 2. М., 2019. С. 427-428.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 52.

уменьшению преступности путем реформирования нездоровых общественных условий»⁴. В рамках социологического направления появляется понятие «опасного состояния преступника» как состояния личности, на основании которого нужно опасаться, что она совершит преступное деяние. Таким образом, на первый план выходит не виновное опасное деяние, а опасность конкретного преступника; применению подлежат не просто наказания, а меры социальной защиты. Однако для социалистов эти предложения не были достаточными в силу того, что острие мер социальной защиты направлено, опять-таки, против низшего класса, причем открывается возможность признавать опасным любого, чье поведение не согласуется с существующим строем и интересами политической элиты.

После Октябрьской революции приговоры народных судов в течение двух лет выносились на основе революционного правосознания: новый режим требует создания нового права. 12 декабря 1919 г. Наркомюст сформировал по сути уже утверждающиеся в обществе уголовно-правовые правила, название которых точно отражает их суть – Руководящие начала⁵. Именно они стали небольшой по объему, но ёмкой по содержанию первой в советской истории России попыткой создания общей части уголовного права. В данном акте чётко прослеживается направленность действия уголовного закона, что можно отнести к очевидным его достоинствам.

Об идеологическом посыле Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. можно судить по введению (преамбуле): «пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть». Таким образом, мы видим, что уголовное право должно было быть направлено на опасных для нового строя лиц, но уже конкретно определенных как «классовые противники пролетариата». О некой преемственности социологической школы уголовного права можно судить и по тому, что преступное посягательство в классовом

обществе, согласно Руководящим началам, вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник.

Преступление в Руководящих началах определяется как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений. Его совершение ведет к необходимости государственной власти бороться с преступниками. Таким образом, закреплено материальное понятие преступления, причем уже выделена привычная для современности общественная опасность деяния.

Для выбора судами меры воздействия на лицо, совершившее преступление, раскрывалось содержание опасности для общегития (не что иное, как общественная опасность). Народный комиссариат юстиции выделил характер (свойство) и степень общественной опасности как преступника (примечательно, что он на первом месте), так и совершенного им деяния. Выяснению подлежали: вся обстановка преступления, личность преступника, его мотивы, образ жизни и прошлого, а также то, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности.

Следует оценить положительно законодательное закрепление содержания общественной опасности в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. О том, что данной категории уделялось значительное внимание, можно говорить и исходя из наличия в акте правила о том, что лицо не подвергается наказанию, если изменились условия, в которых конкретное деяние или само лицо представлялись опасными для общественного строя. Степень опасности преступника и совершенного им деяния оценивалась также и при определении наказания соучастникам. Следует отметить, что вышеназванная характеристика общественной опасности практически тождественно перешла в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР 1992 г.), однако в нем содержится ещё больший уклон на опасность лица, которая, по мысли законодателя, связана как с совершением действий, вредных для общества, так и деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку (ст. 8). Причем задача первого Уголовного кодекса РСФСР сводилась к защите от преступлений и общественно опасных элементов (здесь и ниже курсив мой – Т. Б.), а наиболее опасными ст. 27 признает преступления против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового

⁴ Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004. С. 93.

⁵ Постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. URL: <https://www.pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7311.htm> (дата обращения 20 ноября 2019 г.).

правопорядка. В кодексе отсутствует положение о ненаказуемости лица при изменении обстановки, зато предусмотрены дополнительные к наказанию (или вместо него – при невменяемости) меры социальной защиты, если лицо признается социально опасным⁶.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – Уголовный кодекс РФ, УК РФ) принят уже в совершенно других политических условиях: Конституцией РФ 1993 г. провозглашены демократия; высшая ценность – человек и гражданин, права и свободы которого приоритетны и занимают первое место в иерархии охраняемых уголовным законодательством объектов. Общественно опасным признается, в первую очередь, деяние, а на необходимость учета характера и степени опасности содеянного указывают ряд статей Уголовного кодекса РФ, не раскрывающих значение этих понятий.

Благов Е.В. обращает внимание на то, что общественная опасность деяния презюмируется. Но эта презумпция является опровержимой. Опровергается она признаками действия (бездействия), в силу малозначительности не представляющего общественной опасности, и любого из обстоятельств, исключающих преступность деяния⁷.

Об опасности лица, совершившего преступление, закон говорит лишь применительно к одному нереабилитирующему основанию освобождения от уголовной ответственности: она утрачивается при деятельном раскаянии. С точки зрения Пленума Верховного Суда РФ⁸, общественная опасность лица *изменяется* при примирении с потерпевшим и, вероятно, о ней неслучайно ни слова не сказано при освобождении от ответственности в связи с возмещением ущерба, уплатой судебного штрафа и истечением сроков давности.

Характер и степень общественной опасности раскрываются применительно к назначению наказания в созвучном постановлении⁹, опять-таки, Пленума Верховного Суда РФ, в котором говорится, что характер определяется уголовным законом исходя из причиненного вреда охраняемым уголовным законом ценностям (перечисленным в ст. 2 УК РФ), а степень – *судом* исходя из критериев, определенных в абз. 4 п. 1.

Парадокс заключается в том, что, будучи основополагающей для уголовного права категорией и важнейшим признаком преступления, общественная опасность носит оценочный характер. И так, уголовно-правовая политика занимается выявлением характера опасности конкретного вида посягательства на уровне криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности¹⁰. Но ведь общественная опасность не определяется через уголовную противоправность. Оценить объективность общественной опасности каждого деяния, признающегося преступлением Уголовным кодексом РФ, иногда довольно сложно, подтверждение тому – многочисленные научные публикации, посвященные проблеме обоснованности и целесообразности существования отдельных и появления новых статей в УК РФ, а также категоризации преступлений. Н.А. Лопашенко отмечает, что категории преступлений зависят «в том числе, и от законодателя, иногда «дописывающего» общественную опасность в санкции того или иного деяния, в зависимости от политических интересов»¹¹.

Таким образом, двойственность общественной опасности преступления на современном этапе можно охарактеризовать следующим образом: с одной стороны, она должна быть объективной, то есть вытекать из реально существующих общественных процессов; с другой – является субъективной

⁶ Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1 июня 1922 г. № 80. ст. 153.

⁷ Благов Е.В. Понятие преступления и виды преступлений // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2019. С. 60.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

¹⁰ Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. М., 2020. С. 327.

¹¹ Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. М., 2019. С. 270.

как на уровне правотворчества (воля конкретного законодателя), так и правоприменения (оценка конкретного деяния).

Степень общественной опасности устанавливается при индивидуализации уголовной ответственности. Однако, как представляется, усмотрение суда в этой части должно иметь определенные границы. В частности, появление ч. 6 в ст. 15 УК РФ говорит о явном переходе гуманизма от потерпевшего к лицу, совершившему преступление. Причем в законе нет никаких ограничений по объектам преступных посягательств: *de lege ferenda* можно изменить категорию даже при совершении убийства, а значит, уже пересматривается и определенный законом характер опасности. Но еще дальше идет Пленум Верховного Суда РФ¹², недопустимо открывая для судов возможность применения оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. ст. 75, 76, 78 УК РФ) после изменения категории преступления для освобождения от наказания.

Итак, УК РСФСР 1922 г. с законодательно закрепленной аналогией закона боролся с общественно опасными элементами – УК РФ 1996 г. предупреждает совершение общественно опасных деяний, предоставляя лицам, их совершившим, максимальные возможности для реализации уголовной ответственности в наиболее щадящей форме.

Представляется, что общественная опасность – это вневременная категория уголовного права, которая должна разрабатываться и находить законодательное отражение независимо от политического курса страны. История подтвердила утопичность закреплённой в Руководящих началах 1919 г. идеи социалистов об уничтожении государства и права. Однако следует положительно оценить нормативное установление ими основополагающего вектора развития нового уголовного закона и практики его применения. Представляется, что критерии определения преступности и наказуемости деяния в условиях построения современного правового государства должны определяться в Уголовном кодексе РФ, а не в судебной практике.

Список цитируемой литературы:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2019. 1536 с.
2. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. 2004. 110 с.
3. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. М., 2019. 400 с.
4. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. М., 2020. 440 с.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 ч. Часть 2. М., 2019. 446 с.
6. Чельцов-Бebutov М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. 111с.

The list of the quoted literature:

1. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical) / Ed. A.I. Chuchaev. M., 2019. 1536 p.
2. Liszt F. Tasks of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon / Comp. and foreword. V.S. Ovchinsky. M. 2004.110 p.
3. Lopashenko N.A. Reflections on criminal law. Criminal law. Criminal liability. Criminal policy. M., 2019. 400 p.
4. Lopashenko N.A. Reflections on criminal law. Principles of Criminal Law. Criminal law. Crime, misconduct and corpus delicti. M., 2020. 440 p.
5. Tagantsev N.S. Russian criminal law. At 2 h. Part 2. M., 2019. 446 p.
6. Cheltsov-Bebutov M.A. Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkov, 1925. 111 p.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.